

Ян Бруштейн

Между городом и садом

* * *

Мой внутренний Ленинград истаял и обветшал,
Он давно не прикрепляется к пространствам и вещам,
Но там, на Петроградке, словно крепкий зуб, мой дом,
И братья мои ещё не сгнули за кордон.

Крылатые львы, озябли вы на мосту,
Вскрикиваете простуженно: в Москву, мол, летим, в Москву,
Разбрызгивая позолоту, раскалываете пьедестал.
Пришел бы я к вам, родные, но выдохся и устал.

Мой внутренний Ленинград, осыпающийся с холста,
Печальны твои кварталы, и невская гладь пуста,
Вываливаются из рамы, обугливаются края...
Но можно там встретить маму с коляской, в которой я.

* * *

Дождь лупит, словно пулемётчик,
Дотянется, и всех замочит —
Вояка, гангстер, террорист!
То врежет очередью градин,
То мокрой ветошью погладит
Испуганный дрожащий лист.

Что за весна? Сочится злобой...
И майский день высоколобый
Ругает время, стынь и власть.
А мне плевать на ваши темы,
Не с этими я и не с теми,
Дождём бы надышаться властью!

Ян Бруштейн — поэт. Родился в 1947 году в Ленинграде. Работал в областных газетах и на телевидении, кандидат искусствоведения. Автор девяти поэтических книг. Лауреат конкурсов им. Н.Гумилёва, Н.Некрасова, премии «Поэт года». Живет в Иваново.

Легко он радости научит,
И уползёт устало туча —
Лохмотья, чёрное рваньё.
Душа омыта и открыта,
И трассеры метеоритов
Летят бесцельно сквозь неё.

* * *

Там, где падает солнце расплавленной мордой в грязь,
Там, где ветры вихрасты, а тучи тучны, и Бог
Позволяет дышать, в этом воздухе растворясь,
Не узнавая созданный им лубок.

Там из грязи встают те, кто втопан был и забыт,
С переломанными костями, с обугленной злой душой,
Где вы были, кричат, где вы прятались в блуд и быт,
И кому вы молились — тому, кто от нас ушёл?

Искалечены лица их, рёбра сквозь грязь торчат,
И в надорванных глотках отращивают грозу.
Приходите, кричат, приводите своих волчат,
Пусть попробуют каменной плоти они на зуб!

Сколько в ласковом воске провалы глазниц не прячь,
Сколько в уши не лей благотворный елей и вой,
Всё равно ты палач, это братья твои, палач,
Это плач твой, палач, и они придут за тобой.

Ковчег

Ковчег онкологической больницы,
Его потоп — внутри, и будет длиться,
Покуда меньше трусов, чем бойцов.
Но как же мало разницы меж ними,
Когда телами скудными своими
Вас каждый от беды закрыть готов.

Здесь редко стонут, а смеются часто.
Когда судьба разодрана на части —
Ни горевать, ни плакать не к чему.
В истерике орут и бьются чайки,
Но вопреки прогнозам чрезвычайки,
Мы не спешим обрушиться во тьму.

Грозятся хляби затопить палату,
Но мы, как недобитые пираты,
Так любим жизнь, что просто чёрт возьми!
Здесь у неё тяжёлый привкус крови.
Но нам держать борта с водою вровень —
Покуда остаёмся мы людьми.

* * *

Когда меня накрыло не по-детски,
И было не укрыться, и не деться
От этой убивающей тоски,
Всё развивалось, как в театре действо,
Как боль недавно сломанной руки.

Моя страна смеялась и стонала,
И мыла руки, и своих пинала —
Потом, когда сдала их и спасла,
Сушила вёсла, и рожала мало,
И жгла траву у нашего села.

Мы жили между городом и садом,
Леса и реки обнимая взглядом,
А я лечился деревом и строкой.
Всё думал: может быть добром и ладом
У нас всё выйдет, милая, с тобой.

Гроза играет страшной погремушкой,
Наш дом качает, словно кто-то ушлый
Трясёт его завистливой рукой.
Когда у края снова раню душу,
Меня спасёшь ты, и никто другой.

Сибирская трава

Мне бы уехать в Сибирь за травой,
Дикой, медвежьей, горячего рода,
Недоглядела однажды природа,
Вот и пробилась под клёкот и вой.
Мне на Таймыре о ней прокричал
Старый шаман, почерневший от гнева,
Он обещал, что обрушится небо
И покачнётся начало начал.
Он говорил, что ворвётся трава
В каменный день, позабывший о чуде.
Зверь или птица прознают, почуют,
И доберутся, и смогут сорвать,
И принесут: заberi и уйди! —
Чтобы увидел я, тая от страха,
Вот, разлетается мир, как рубаха,
Та, что когда-то рванул на груди.
Буду бурханить¹ у тёмной воды,
Буду упрашивать древнего духа,
Чтобы лишил меня зренья и слуха,
Чтобы не видеть мне этой беды...
Смехом подавится птица: «Увы,
Как же наивны, доверчивы люди!
Этой травы больше нет, и не будет.
Выдохни, плачь, если сможешь — живи».

¹ Бурханить — задабривать сибирских духов молоком или водкой.